

Уважаемый читатель! Представь себе институт. Любой: учебный, исследовательский, культовый. Медленно подними голову вверх, воображая бюрократическую лестницу. Присмотришься. Видишь свет? Это — лестница привела нас в коридоры власти. Знакомые лица, и глупо не поздороваться — но они нас не узнают.

Теперь наоборот. Кооперативный дом напротив посольства. Парадная, ведущая только в одну квартиру с шестью или семью небольшими комнатами и крохотным просмотрным залом. Здесь живет не богатый молодой москвич, а бедные, не старые Курсы.

пин, любя меня, сказал: она такая хорошая, такая хорошая, ну почти, как мы.

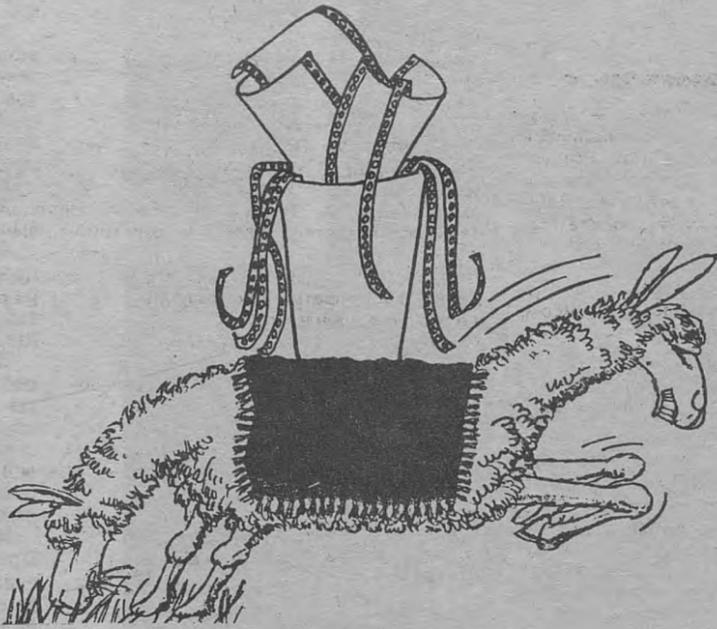
Я почувствовала, что никогда не перейду эту грань. И не переходила. И правильно делала. Надо точно понимать свои возможности.

Тогда в 74-м году мы набрали мастерскую вместе с драматургом, очень мною уважаемым. Михаилом Григорьевичем Львовским (к сожалению, недавно его не стало). И первая наша мастерская (обычно это четыре-пять человек) была по-своему оглушительная. Александр Александров, за дипломный фильм «Сто дней после детства» получивший Госпремию СССР, премию Ленинского Комсомола. Замечательная женщина, драматург Аня Родионова, ушедшая потом в театр; Паша Лунгин и Эдуард Пашнев, воронежский детский писатель, очень интересный человек, которого, к сожалению, мало кто знает.

Придя первый раз на Курсы, я поняла, что это — место, где я хочу работать.

КТО ТЫ ТАКОЙ!

Что меня привлекает педагогическая деятельность? Отнюдь не тем, что ты кого-то обучаешь. В конце концов кто ты такой? Ну, какие-то навыки у тебя есть. Но как я всегда говорила: все, что я знаю, можно

где было душно, везде нельзя. А здесь более-менее вольная атмосфера. Сейчас, конечно, никто не испытывает дефицита аудитории. Звонишь Аверинцеву и говоришь: ребята хотят вас видеть. Он говорит, что занят. У него сейчас десятки выходов.

УЧАТСЯ НЕ ТОЛЬКО У МАСТЕРОВ

А вообще, я думаю, если говорить о педагогической работе,

становление.

История такая: сначала были маленькие курсы при «Мосфильме», режиссерские. Их закончили Георгий Данелия и Игорь Таланкин. Потом были созданы отдельно сценарные. В 63-м они объединились. Их создали вопреки всему. И в силу нестандартности Курсов — их не узаконили в Министерстве Финансов. Созданные по постановлению Совета Министров

ния фирм, которым это вписывается в налог. И еще проклинают Маргарет Тэтчер, потому что она сняла какие-то блага.

Когда говорят, что существует частное образование, то имеется в виду такое общее кинематографическое образование типа киноведческого. Или когда, кроме других курсов, человек интересуется еще и кино. А профессиональное образование включающее съемочные работы, — это забота государства.

НА РЕЖИССЕРСКИХ ЭКЗАМЕНАХ Я ИСПЫТАЛА ШОК

Когда я первый раз попала на режиссерские экзамены, я испытала шок. Потому что мне показалось совершенно невозможным отбирать людей. Во ВГИКе все-таки легче, когда с ассистентами сидит один Мастер и задает тон, спокойно решает. А на Курсах сидит с одной стороны Хуциев, с другой Меньшов, с третьей... Такие разные люди.

И вся процедура экзамена непоказательна. Я об этом долго думала и мучилась. Какой-то невероятный элемент случайности в этом наборе. Я специально занималась этим вопросом.

ШЕСТЬ МОНОЛОГОВ О ВЫБОРЕ КУРСОВ

На Курсах учатся смотреть и снимать кино. На Курсах есть Слушатели, Мастера, Завотделенными, Директор, Бюрократического аппарата здесь нет. Студент предлагает-просит-уверяет Мастера. Мастер передает предложение-просьбу-уверения Завотделением. Завотделением — Директору. Директор без бюрократического аппарата одинок и должен сам держать ответ. Если не сделает директор — не сделает никто. Очень узкий круг, все знают друг друга в лицо. Директор не может уйти от ответа. А ответ в коридорах власти. А лестница высока. Директор не может начать восхождение — Директор еще и Мастер. Восхождение — процесс. Преподавание — другой. А Директор — один.

Рассказывает Директор Высших Курсов сценаристов и режиссеров, преподаватель сценарной мастерской Людмила Владимировна Голубкина. В прошлом выпускница сценарной мастерской Е. И. Габриловича во ВГИКе, редактор с двадцатипятилетним стажем работы на телевидении, «Мосфильме», студии имени Горького. А также Директор Центральной Студии, преподаватель ВГИКа.

КИНО — ЖЕСТОКАЯ ВЕЩЬ

Я пришла первый раз на Курсы, кажется, в 1974 году. Меня пригласила вести сценарную мастерскую тогдашний директор Курсов Ирина Александровна Кокарева.

Я всегда была убеждена, что сценарному делу должен учить сценарист. А редактор, какой бы он ни был умный, тонкий, талантливый, не знает каких-то вещей. Для того, чтобы их знать, нужно самому «водить пером». Я хотя и «водила», но не с той степенью ответственности.

Кино — жестокая вещь. Как бы близко около кино ни был, тебе рано или поздно дадут это «около» почувствовать. Как-то замечательный человек и сценарист Михаил Давыдович Воль-

рассказать в три часа спрессованно. А дальше уже идет процесс. И процесс взаимный, потому что ты откликаешься на что-то, они на что-то откликаются. Живешь в русле живой жизни.

Вторая вещь, которая меня всегда привлекала на Курсах, — маленькие мастерские. Я преподавала во ВГИКе и знаю, что такое 12 человек. Это тоже не поток, но уже публичность, необходимость корректировать на слабейшего. А на Курсах ты стоишь в таких контактах, которые дают возможность...

Вот Бергман как-то сказал, что в кино все сделано для того, чтобы погубить твой замысел. Стоишь на площадке, такой ужас, шумят, ходят мимо. Но, когда ты видишь... Он назвал это запечатленное мгновение... лицо актера, мысль прошедшую, которую ты, может быть, не заметил...

Вот так, в этом процессе общения с молодыми возникает то мгновение обмена, рождения мысли, ради которого стоит работать. Ничто другое так не привлекает.

И третья — в связи с тем, что нет постоянно действующих людей, нет и постоянных программ. Мы не в состоянии обеспечить курс целиком, потому что наши преподаватели то здесь, то их в Париж вызвали. Ни о каких жестких рамках речь идти не может. И это наш недостаток, с одной стороны. С другой стороны, я думаю, нам и нужно переходить на систему, которая на Западе называется блок-семинары. Типа того, что у нас делал Занусси, читая лекции неделю. А не раз-два в неделю в течение полугода, как обычно это делается. Система блок-семинара дает ту живую сменяемость, которая — единственная — обеспечивает движение вперед.

На Курсах нет штатных преподавателей. Ведь когда человек прикреплен к одному месту, особенно в нашей стране, то он раб этого места, и те, кто его нанял, тоже оказываются в рабстве. У нас нет этих проблем. Если мы замечаем интересного человека, то просим его к себе. И раньше люди стремились прийти на Курсы, потому что

они не существуют как бюджетная организация. Деньги на содержание давали Госкино и Союз Кинематографистов пополам. Все было дешево, и финансирование проблемы не составляло. Сейчас денег нет у Союза и Роскино. Надо просить у государства. А государство говорит, что денег нет и у него. Ну, это понятно. Но еще государство говорит, что не может создавать новые финансовые организации. Мы говорим, что нам 30 лет. А они говорят, что нас вообще нет. Но дело даже не в этом. Страшнее всего, что сегодня при всех словах о свободе регламентация стала еще жестче: нам начинают предлагать «как нас провести». Если как высшее учебное заведение, то у нас нет 21 метра площади на каждого студента, нет кафедр, деканов. И полагается пять лет обучения или хотя бы четыре. По всем этим параметрам мы никак не подходим. Тогда нам предлагают «среднее профессиональное образование». На это мы не можем согласиться потому хотя бы, что это совсем другая система оплаты преподавателей, а мы и так платим гроши. И главное, надо сохранять уровень.

Еще один вариант: учреждение дополнительного послевузовского образования. В соответствующем Законе Российской Федерации сказано, что второе образование может быть только платным. Тогда нас не может финансировать государство. А я глубоко убеждена, что кинематографическое образование не может быть платным.

Я закончила ВГИК, люблю ВГИК и никак не хочу его порочить. Но институт рассчитан на некую обязательность, изучение всех предметов. У нас тоже есть обязательность, но это касается профессии. Остальное на личное усмотрение — что взял, что взял. Здесь нет экзаменационных сессий, семестров. Все в творческом движении. И удивительная результативность.

Я посмотрела на список окончивших Курсы и была просто потрясена. Такое количество имен. Особенно у сценаристов. Алесь Адамович, Андрей Битов, Иван Драч, братья Ибрагимбековы. И если смотреть по республикам, то много людей создавших там кинематографическую культуру, вышли отсюда.

КАК НАС ПРОВЕСТИ!

И вот парадокс. Курсы, созданы в самые глухие доперестроечные годы. То есть, конечно, по движению культуры 60-е так не назовешь. Но по регламентации мы были очень задействованы в системе: это можно, это нельзя. И вдруг гениальная идея — Курсы. Это великая и святая заслуга Ивана Александровича Пыррева, человека сложного и ныне забытого. Я не знаю, придумал ли он Курсы или поддержал идею, но в 63-м году Совет Министров издал по-

ни не существуют как бюджетная организация. Деньги на содержание давали Госкино и Союз Кинематографистов пополам. Все было дешево, и финансирование проблемы не составляло.

Сейчас денег нет у Союза и Роскино. Надо просить у государства. А государство говорит, что денег нет и у него. Ну, это понятно. Но еще государство говорит, что не может создавать новые финансовые организации. Мы говорим, что нам 30 лет. А они говорят, что нас вообще нет. Но дело даже не в этом. Страшнее всего, что сегодня при всех словах о свободе регламентация стала еще жестче: нам начинают предлагать «как нас провести». Если как высшее учебное заведение, то у нас нет 21 метра площади на каждого студента, нет кафедр, деканов. И полагается пять лет обучения или хотя бы четыре. По всем этим параметрам мы никак не подходим. Тогда нам предлагают «среднее профессиональное образование». На это мы не можем согласиться потому хотя бы, что это совсем другая система оплаты преподавателей, а мы и так платим гроши. И главное, надо сохранять уровень.

Еще один вариант: учреждение дополнительного послевузовского образования. В соответствующем Законе Российской Федерации сказано, что второе образование может быть только платным. Тогда нас не может финансировать государство. А я глубоко убеждена, что кинематографическое образование не может быть платным.

ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

Когда мы называем цифру, обозначающую стоимость обучения, мы не включаем съемочную работу. Допустим, обучение режиссера стоит 2,5 миллиона. А одна съемочная курсовая работа — 40 миллионов. Вот соотношение.

Где найдут слушатели такие деньги? Ну, хорошо, найдут дватри человека. Среди них совсем не гарантированно окажутся самые талантливые и интересные.

За границей кинематографическое обучение субсидируется государством. Или, как в Англии, где половину дает государство, а половину дают отчисле-

Никакой другой системы в разных киношколах мира нет. Тестирование тоже, большей частью, себя не оправдало. За границей просто меньший наплыв и больше времени на каждого человека. Кроме того, они не связаны с общежитием. Приезжает человек, и им занимаются полдня или день. А у нас по пять человек «запускают». Но вся беда в том, что сколько бы ни занимались абитуриентом, ошибок все равно не избежать. Потому что один в состоянии в этот момент показаться, а другой не в состоянии.

Вместе с тем процент ошибок сравнительно небольшой. Не считайте меня мистиком, но я считаю, что если человеку надо стать ЭТИМ ЧЕЛОВЕКОМ, то вокруг образуется движение. А вот недавно мы отчислили одного из наших режиссеров. Этот человек не получил отказа на предварительном конкурсе — по «почтовым причинам» отказ не дошел, и мы от недовольности решили допустить его к экзаменам. И он, с грехом пополам, но выдержал. Но поскольку он из республики, то мог быть зачислен только за деньги. Через полгода выяснилось, что платит он не в состоянии. Тогда мы, чтобы не потерять человека, исхитрились и перевели его на сценарное отделение, где оплата меньше. И все равно он забрал документы и ушел. Зав. режиссерским отделением с грустью сказала мне, что не надо себя насиловать, а надо принимать складывающиеся обстоятельства.

И, в общем, я не знаю, но тот, кто оказался отвергнутым в первый раз, но знает, что ему надо стать ЭТИМ ЧЕЛОВЕКОМ, он поступает еще раз. Возможности реализоваться еще где-то есть. Во ВГИК почти никто с первого раза не поступает. Это отсев на твердость.

Я с оптимизмом смотрю в будущее, уже потому, что нельзя отменить то, что состоялось. И думаю, у Курсов впереди много лет.

Записала Алиса ХМЕЛЬНИЦКАЯ.